

891.78

P990

I64pu

A

868,375

М. М. ИВАНОВЪ

ПУШКИНЪ ВЪ МУЗЫКЪ

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1899

ПУШКИНЪ ВЪ МУЗЫКЪ

Γρηγορίτῳ-Ἰωάννῳ, Μ. Μ.

М. М. ИВАНОВЪ

ПУШКИНЪ ВЪ МУЗЫКѢ

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

1899

891.78
P990
I 64 рл

Дозволено цензурою 22 мая 1899 г. С.-Петербургъ.

1) К. Кавось. 2) А. Алябьев. 3) А. С. Пушкинъ. 4) М. Глинка.
5) А. Даргомыжскій.

62
SCHW. LANG. LIT,
WOLINS
2.1.75
1125081-172

I.

Наиболѣе обычное явленіе въ литературномъ мірѣ, когда дѣло касается трехъ,—по выраженію покойнаго Ю. К. Арнольда,—музикійскихъ «искусствъ», слова, звука и движенія, это—равнодушіе литераторовъ къ искусству звука. Писатели и поэты—совершенно естественно—интересуются драмою, нерѣдко выказываютъ живѣйшее вниманіе къ «оркестрикѣ» (то-есть къ балету) и почти всегда удѣляютъ нуль вниманія искусству звуковъ, даже и тогда, когда по какой-либо причинѣ считаютъ необходимымъ скрывать подобное свое безучастіе. Такъ Викторъ Гюго, платонически высказывавшій всяческое сочувствіе Берлиозу въ дни его новшествъ, въ 30-хъ годахъ, на дѣлѣ требовалъ для своихъ драмъ и трагедій въ ихъ патетическихъ мѣстахъ—лишь вальсовъ подъ сурдиною и отъ всякой иной музыки отрецивался. Такъ поступали и всѣ егопріятели и единомышленники, тогдашніе романтики — Т. Готье,

А. Дюма и др., при чемъ нѣкорые, напримѣръ, Тотье, даже ставили себѣ совсѣмъ въ заслугу полное отсутствіе у нихъ музыкальнаго слуха, гордились своимъ равнодушіемъ къ Эвтерпѣ, подражая, впрочемъ, въ этомъ случаѣ Вольтеру, тоже отзывавшемуся, какъ извѣстно, весьма неблагопріятно о «шумѣ, называемомъ музыкою и притомъ оплачиваемомъ дорого». Наши поэты и беллетристы въ большинствѣ тоже мало прельщались и прельщаются Эвтерпою; среди самыхъ знаменитыхъ изъ нихъ можно назвать лишь очень немногихъ, не остававшихся чуждыми прелести музыкальнаго искусства. Одна изъ вершинъ нашей литературы и поэзіи, Пушкинъ — интересовался ли музыкою?

На это трудно отвѣтить вполне опредѣленно, но, кажется, что отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Въ перепискѣ его и въ произведеніяхъ встрѣчаются мѣста, указывающія на вниманіе, которое удѣлялъ поэтъ музыкѣ вообще и въ частности современнымъ ему произведеніямъ музыкальнаго искусства. Въ дни лицейскіе и въ первый петербургскій періодъ своей жизни поэтъ, конечно, всего болѣе увлекался «оркестрикою», какъ, впрочемъ, въ александровскую эпоху увлекалась балетомъ не одна только тогдашняя молодежь, но и люди солидные.

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!

Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня—

говорить Пушкинъ въ «Онягинѣ». Балету онъ,
посвятилъ нѣсколько строфъ въ своемъ романѣ,
изъ которыхъ можетъ быть самая характерная
слѣдующая:

Тамъ, тамъ подъ сѣнію кулись
Младые дни мои неслись.
Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Все тѣ же-ль вы? Другія-ль дѣвы,
Смѣнивъ, но замѣнили васъ?
Услышу-ль вновь я ваши хоры?
Узрю-ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ?

Всѣмъ хорошо памятна также знаменитая строфа, посвященная въ первой пѣснѣ романа танцовщицѣ Истоминой—«Блистательна, полувоздушна» и т. д. Рядомъ съ этими признаніями въ личномъ увлеченіи балетомъ, совершенно поражаетъ молчаніе поэта хотя о какомъ-нибудь музыкальномъ впечатлѣніи, испытанномъ имъ въ этотъ первый періодъ его жизни. Познакомившись, однако, съ положеніемъ опернаго дѣла въ Петербургѣ за 1810—20 гг., когда Пушкинъ уже могъ посѣщать оперный театръ, придется, пожалуй, согласиться, что и увлекаться-то тамъ было нечѣмъ. Не смотря на то, что историки русскаго театра, вѣчно переписывающіе свои мнѣнія и выводы одинъ у другого, утверждаютъ, что время Александра I было

якобы расцвѣтомъ нашего театра, съ этимъ ихъ утвержденіемъ никакъ нельзя соглашаться. Можетъ быть,—и даже очень вѣроятно,—что въ то время былъ водворенъ порядокъ въ административной и хозяйственной части театральнаго управленія; затѣмъ, конечно, въ эту эпоху процвѣтали балетъ, благодаря Дидло и Дюпору, но на этомъ и придется остановиться. На драматической сценѣ гнѣздились тогда скучнѣйшія классическія трагедіи, ставились исключительно патріотическія пьесы, процвѣтали Озеровъ, Крюковской и кн. Шаховской, сверхъ того царствовалъ водевиль. На оперной же было и того хуже. Итальянцевъ не было давно—съ 1803 года; французская опера прекратилась въ 1811 году и не вернулась ранѣе 1818 году.

Да, впрочемъ, и хвастаться ею было нечѣмъ. Французская опера, не смотря на присутствіе знаменитаго Бозальде, въ то время не представляла и не могла представлять изъ себя чего-нибудь особеннаго. Еще такъ мало прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ Моцартъ произнесъ свой извѣстный приговоръ надъ французскими пѣвцами. Подтвержденіе его, казалось бы, строгаго приговора мы встрѣчаемъ и у простыхъ смертныхъ, европейцевъ и русскихъ, слушавшихъ французскую оперу въ Парижѣ. Французская опера была у насъ и при Екатеринѣ и при Павлѣ. Но странное дѣло: въ то время какъ итальянцы возбуждали и тогда, какъ теперь, горячіе споры и толки, представле-

нія французской оперы проходили совершенно незамѣченными. Цѣнители, впрочемъ, относились къ нимъ строго. Напримѣръ, въ перепискѣ семьи Булгаковыхъ, печатаемой въ «Русскомъ Архивѣ» прошлаго и нынѣшняго года (1898—1899 гг.) мнѣ попалось любопытное замѣчаніе, касающееся прямо предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Одинъ изъ членовъ этой семьи, А. Я. Булгаковъ, отнюдь не расположенный въ пользу Италіи, гдѣ онъ состоялъ секретаремъ неаполитанскаго посольства въ началѣ царствованія императора Александра I,—вернувшись въ 1808 году въ Петербургъ, съ ужасомъ говоритъ о французской оперѣ нашей столицы. «Къ сожалѣнію моему нѣтъ здѣсь итальянской оперы; а когда бываетъ французская, жалѣю, что вмѣсто уменьшенія глухоты лѣваго моего уха, не оглохъ я совсѣмъ въ Сициліи» («Русскій Архивъ», 1899, III). Въ Италіи Булгакову приходилось, конечно, слышать совсѣмъ другое пѣніе, чѣмъ то вытье французовъ, о которомъ говорилъ и Моцартъ, и другіе люди, надѣленные вкусомъ.

Еще хуже обстояли въ Петербургѣ дѣла съ русскою оперою. Прежде всего труппа была болѣе чѣмъ посредственна, не смотря на отдѣльных исполнителей, которыхъ Кавосъ, — кстати прославленный совсѣмъ не по заслугамъ историками нашей сцены, — «натаскивалъ» какъ канареекъ (выраженіе, кажется, П. В. Каратыгина,

употребленное имъ въ большую хвалу Кавосу), чтобы они могли пѣть что-нибудь и какъ-нибудь. На сценѣ русскаго опернаго театра давалось не мало чепухи, осуждавшейся развитыми любителями даже и въ болѣе раннее время*) и тѣмъ не менѣе державшейся въ репертуарѣ, къ которому прибавились только патріотическія оперы-водевили Кавоса и его сотоварищей,—Антонолини, Шелехова и др., удовлетворявшихъ по мѣрѣ силъ тогдашнему подъему нашего народнаго чувства. Существовала въ это время въ Петербургѣ и нѣмецкая опера, но она, какъ это было всегда, привлекала исключительно нѣмецкую колонію столицы: русскіе посѣщали ее мало и сколько-нибудь прочнаго вліянія на вкусъ петербургскихъ меломановъ она не имѣла. Впослѣдствіи выдающійся успѣхъ веберовскаго «Волшебнаго стрѣлка», поставленнаго въ Берлинѣ въ 1821 году, отразился и въ Петербургѣ, оставилъ нѣкоторый слѣдъ даже и на Пушкинѣ, чему свидѣтель извѣстный стихъ въ «Онѣгинѣ» — «разыгранный Фрейшицъ перстами робкихъ ученицъ». Пушкинъ, однако, врядъ ли могъ еще слышать веберовскую оперу въ моментъ созданія 3-й пѣсни «Онѣгина», гдѣ находится этотъ такъ часто повторяемый стихъ, такъ какъ находился тогда въ изгнаніи—въ Михайловскомъ. Не упоминаю о «Донъ-Жуанѣ» Моцарта, потому что

*) См. объ этомъ въ Запискахъ Жихарева.

его Пушкинъ могъ слышать, и по всей вѣроятности слышалъ — скорѣе въ итальянской оперѣ въ Одессѣ, чѣмъ въ петербургскомъ нѣмецкомъ театрѣ. Это подтверждается, между прочимъ, — какъ мнѣ кажется, — итальянскимъ эпиграфомъ (изъ либретто Да-Понте), поставленнымъ Пушкинымъ къ его «Моцарту и Сальери». А. Пушкинъ, вѣроятно бы, воспользовался нѣмецкими словами, если бы слышалъ «Донъ-Жуана» въ Петербургѣ. Кстати, итальянцы ставили «Донъ-Жуана» уже въ 20-хъ годахъ столѣтія, такъ что его могли давать въ Одессѣ тогда, когда Пушкинъ жилъ въ этомъ городѣ.

По моему, въ періодъ своей ранней петербургской жизни Пушкинъ оставался совершенно равнодушнымъ къ музыкѣ. Только попавъ въ Одессу, онъ сталъ относиться къ ней иначе; поэтъ познакомился съ итальянскою оперою, съ произведеніями Россини, котораго надолго, можетъ быть навсегда, оставался страстнымъ поклонникомъ. «Я насилу уломалъ Инзова, — пишетъ онъ брату изъ Одессы въ августѣ 1823 года, — чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу; я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу обновили мнѣ душу... Я нигдѣ не бываю, кромѣ въ театрѣ». Въ другомъ письмѣ (къ Дельвигу, 16-го ноября 1823 г.) онъ спрашиваетъ: «правда-ли, что ѣдетъ къ вамъ (въ Петербургъ) Россини и итальянцы».

янская опера? Боже мой! Это представители рая небеснаго! Умру съ тоски и зависти!» Прося кн. П. Вяземскаго не забывать изгнанника, сидящаго въ Михайловскомъ, онъ замѣчаетъ: «твои письма оживляютъ меня какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини, какъ кокетливость итальянки... они для меня благодѣяніе». Въ «Онѣгинѣ» нѣсколько строфъ посвящено (уже въ 1829 г.) горячимъ воспоминаніямъ объ итальянскомъ театрѣ въ Одессѣ. Слѣдующею строфою Россини могъ бы гордиться, если бы она была ему извѣстна:

Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій;
 Пора намъ въ оперу скорѣй:
 Тамъ упоительный Россини,
 Европы баловень—Орфей.
 Не внемля критикѣ суровой,
 Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новый,
 Онъ звуки льетъ,—они кипятъ.
 Они текутъ, они горятъ,
 Какъ поцѣлуи молодые,
 Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви.
 Какъ зашипѣвшаго аи
 Струя и брызги золотые...
 Но, господа, повведено-ль
 Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

Къ Россини онъ сохранилъ влеченіе до конца жизни. Въ «Египетскихъ ночахъ» (1835 г.) оркестръ исполняетъ увертюру къ «Танкреду». Очевидно, впрочемъ, что ему приходилось слушать музыкальныя произведенія и другихъ авторовъ, вообще музыку бывшую тогда въ ходу въ Петербургѣ.